

шая врез с обычным феодальным воззрением относительно владельческих прав князей. В сказаниях подчеркивается, что именно Михаил Ярославич более всех других князей имел права на великокняжеский престол: он и по старейшинству более всех князей «дошел... степени княжения великого», его и Андрей Александрович на смертном одре якобы благословил «на свой стол»¹ и т. д. И все же Михаил Ярославич без колебаний отказывается от своих прав, более того, он добровольно идет на гибель, лишь бы отвести угрозу от народа. Михаил Ярославич, который сам наводил татар на Новгород (о чем, конечно, автор сказания умалчивает), выступает здесь с чертами идеальными, и характерно, что в период, когда на Руси началось движение за создание централизованного государства, русские книжники фигуру образцового князя рисуют именно такими чертами.

В этой связи интересно отметить еще одно обстоятельство, на которое в свое время обратил внимание еще В. О. Ключевский. Разбирая повесть о Михаиле Ярославиче, Ключевский указал как на любопытное явление, что «Юрий московский остается в тени, и не на него направлено тверское негодование автора. Юрий с низовскими князьями — орудия татар, невольные жертвы ордынской жадности и особенно треклятого Кавгадыя, всего зла заводчика. Такое отношение тем более любопытно, — продолжает Ключевский, — что Москва в начале XIV века не была еще окружена в глазах общества блеском, прикрывавшим многое, и сам автор не скрывает подробностей, не согласных с его отношением к действующим лицам рассказа».² Если бы автор повести подчинил свое творчество мелкозавладательным интересам отдельных феодальных дворов, мы не могли бы ждать от него такого освещения подвига Михаила Ярославича и такого снисходительного отношения к Юрию Даниловичу. Былой широкий политический горизонт, характерный для русской публицистики конца XI—начала XII века, заволакивавшийся в последующие столетия узкими, своекорыстными интересами мелких феодальных владетелей, в XIV веке

различными муками и смерти предаху, а жены их оскверниша поганин, и пожгоша всю власть Тферскую и до Волгы» (ПСРЛ, V, стр. 208). В первоначальном рукописном сказании ничего этого нет, и рассказ ограничивается одним стереотипным указанием, что Юрий с Кавгадыем, «пришедше в землю Тверскую, много зла сотвориша» (л. 131). Нет в рукописном сказании и сообщения, будто еще до вступления Кавгадыя и Юрия в Тверские пределы Михаил добровольно уступил Юрию великое княжение («брате! аже дал царь тебе великое княжение, то и аз отступаюся тебе, княжи на великом княжении, а в мою опришнину не вступайся») и распустил свое войско (ПСРЛ, V, стр. 208). Нет и речи Михаила к епископам, князьям и боярам, которым он будто заявил, что долго терпел, ожидал, что истощится, наконец, злоба врагов, но теперь он вынужден против них выступить, на что собравшиеся отвечают полным одобрением его действий и намерений (ПСРЛ, V, стр. 208—209). В своей речи Михаил выступает мстителем за убитых, полоненных и оскверненных ст поганых (ПСРЛ, V, стр. 209) По рукописному сказанию, Юрий, потерпев поражение у Бортенева, собрал много новгородцев и псковичей и снова пошел на Тверь, после чего Михаил согласился поехать на суд в Орду. В позднейшем летописном сказании согласие Михаила перенести спор в Орду объясняется тем, что Михаил не хотел «видети другое кровопролитие за толь малы дни» (там же).

Думается, однако, что переделка относится не к XV веку, как полагал Ключевский, а к тому же XIV веку. Об этом, между прочим, свидетельствует фраза: «Обычай бо поганых и до сих мест вмещуше вражду межю братии князей русьских, и себе бошая дары взимаху» (ПСРЛ, V, стр. 208; разрядка моя, — И. Б.), больше отражающая политические отношения XIV, чем XV века.

¹ Впрочем, рассказ о «благословении» Андрея Александровича является позднейшей вставкой, отсутствующей в первоначальном рукописном сказании.

² В. О. Ключевский, ук. соч., стр. 73—74. Как мы уже знаем, в первоначальном сказании, написанном современником событий, князь Юрий еще более остается в тени, чем в последующей повести, попавшей на страницы летописей.